

дорфу оказать помощь тем несчастным, которые тонули в Неве, тот бросился вплавь вместе с 20 матросами, доплыл до катера и спас 11 человек, а сам был обязан своим спасением только одной из тех необычайных случайностей, которые, вероятно, происходят специально для того, чтобы придавать мужество самоотверженным и преданным людям¹³. Один часовой не захотел оставить свой пост перед зданием Гвардейского корпуса; вода, смыв его деревянную будку, превратила ее в корабль, и то, что должно было его погубить, стало якорем спасения. Проплывая таким образом перед Зимним дворцом, он заметил Императора, который смотрел на него с балкона в лорнет, и, как ни в чем ни бывало, отдал ему честь¹⁴. Император наградил генерала Бенкендорфа своим портретом, усыпанным алмазами.

К трем часам наводнение начало уменьшаться, в 9 вода отступила. Если бы ты только видел, какое плачевное зрелище представлял город на следующий день: повсюду обломки, обрывки, лодки поперек улиц, большая часть мостов снесена, набережные разрушены. На улицах везде валялись трупы коров и лошадей, фонари, винные бочки. Представь себе, как, должно быть, пострадали острова и какие огромные потери понесла казна. Подумай, какое отчаяние царит ныне во множестве семей, которые еще вчера жили в довольстве и счастье, а сегодня стоят на грани разорения и нищеты.

Вот, дорогой Адриан, правдивое описание наших бедствий. Лично я совсем не пострадал, но только эгоист в подобном случае не принял бы ни малейшего участия в общем горе! Рассказывая об этом происшествии, поневоле задумываешься о бренности человеческой жизни... Поле для размышлений здесь обширное, но сколько ни размышляй, это не мешает нам рано или поздно оказаться под водой. Поскольку я не умею плавать как рыба и мне далеко до госпожи Акулы и до господина Кита, то в этом случае мне придется навсегда проститься с тобой, с моими пенатами, с моими книгами. Впрочем, чтобы успокоить тебя, покамест я буду начинать мои письма уверениями, что я еще не утонул, а кончать их буду, как и прежде, целуя тебя братски и дружески.

М. Устинов

Да здравствует Бетховен!

Отставной генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович Волконский (1769—1835), московский знакомый Пушкина [25, с. 72], не был очевидцем наводнения и, подобно поэту, первые известия получил из писем. Записи в дневнике, со слов Волконского, делал его секретарь; выдержки из этого дневника, относящиеся к ноябрю 1824 г., печатаются по подлиннику: ОР и РГ ГПБ, Собр. Титова, № 4680, 1824 г., л. 30 об.—34.

«12 ноября <...> По письмам из П<етер>бурга с 6 на 7 число было там великое наводнение еще более, нежели было 1777 года, а именно: вода начала прибывать в ночь с 10 часов при восточном ветре; и с невероятною скоростью вышла из берегов на рассвете, часу в 11-м, и возвышалась до 2-х часов пополудни, и наконец достигла до небывалой никогда высоты. Хитровы описывают, что у них нижний этаж весь был в воде, людские вещи и провизия—все потеряно, даже барки ходили по Морской улице, где их дом; противу дворца носились деревянные дома с людьми, коим не могли подавать помощи; все сие происходило в глазах государя; гвардия потеряла много лошадей, и народу, полагают, погибло много. Все же потери еще неизвестны,— а здесь уже сахар и многие товары вздорожали; несчастье сие произвело убытки неисчислимы. Во всех отношениях благодарение богу, что еще не совсем затоплен город и не погиб весь народ. <...>